
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск, Воронежская область)

Русский поэт. Автор тринадцати сборников стихотворений. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова.

*В этот город торговли
Небеса не сойдут.*

Александр Блок

В черте буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.
Все схвачено цепкостью быта,
Где идол для многих — комфорт.
И будто бы все поизбыто,
Чем русское сердце живет...

* * *

Не кривите физиономий,
Что чужой, как апрель январю,
Что не кланяюсь в пояс мамоне
И любовью к бабле не горю.
И плевать на наследников ярых
В мире всех торгашей и менял
Тех, которых Спаситель из храма
В гневе Божьем кнутом выгонял.

* * *

*Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.*

Сергей Есенин

Мне жаль и себя, и собак.
Мне жаль, что исчезла эпоха
И с нею — «прямая дорога»
В рабоче-крестьянский кабак.
Там грели сердца за гроши.
Но нынче — иные буфеты,
Где нет и в помине души,
Есенинской болью пропетой —
Где нет и в помине любви
К ненастному отчему краю.
И бесится песня чужая
Чужой похотливой крови.

* * *

Союз хулите
 не на шутку.
Но кем он был —
 вам не достичь.
— Чего ж вы врете,
 проститутки! —
Кричит
 сквозь мавзолей
Ильич...

* * *

Не зная сердечных угрызений,
Легко меняют эти люди
Суровый пафос обличений
На подлый пафос лизоблюдства.
Не стоит их клеймить презреньем.
От дней Господнего творенья —
У них такое назначенье,
У них такое назначенье...

* * *

Среди молчунов и крикливых
Под свист паровозный хрипой
Мы пили советское пиво
В дыму привокзальной пивной.
Бутылки в наклейках смазливых
Смели ту пивную мою.
Печально... Но я не о пиве.
Его я не очень люблю.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

О, светлая Оптиная пустынь
В лесном заповедном краю.
Грехи и душевную усталь
Я храмам твоим предаю.
И всю душой богомольца
Уверен в бессилии зла,
Коль есть надо мною под солнцем
Святые твои купола...

ПЛЕСЕЦК

Сосна, как шпиль на круче,
На круче ледяной.
И северные тучи —
Над северной тайгой.
Не из варягов в греки,
Бурливы и ясны,
Прут северные реки,
Вальцуя валуны.
И по соседству где-то,
Верша огонь и гром,
Выносит ввысь ракеты
Известный космодром.

* * *

Я твердо взял
из дней армейских дальних,
Что нет у нас
реальности другой —
Забыться
в благодати тихой спальни,
Проснуться
под сирены
грозный вой.
Банально мыслим
и живем банально
В ладу с собой
и часто — не в ладу.
Одна на всех —
железная реальность
Всему на свете
подведет черту...

* * *

В концертном зале
верткая попса
Поет на все, стараясь, голоса.

И вторит ей
рукоплесканья гром.
А мне б,
как встарь,
за дружеским столом
Полднего
пустого кабака
Всем существом
Ивана-дурака
Послушать,
как шарманкой
о былом
Грустит метель
за мартовским окном.

* * *

Главное, чтобы с мели —
Стронулось, понеслось.
Или к какой-то цели,
Или же так — на авось.
Главное, чтобы случилось
То — где и кровь, и пот.
И впереди счастливый
Или летальный исход...

* * *

Всерьез иль между делом —
Я знать бы не хотел —
Где, за каким пределом
Последний мой предел...
За этим поворотом
Иль вон за той верстой
Навек затихнет кто-то,
Что был когда-то мной...

* * *

Красный шар
За серебряный лес уходил.
Над заснеженным лугом —
Суровое небо.
Словно был и не был,
Словно жил и не жил...
И любил эту явь,
Но не больше,
чем небыль...

Анна Поритер
(г. Рига, Латвия)

Родилась в 1994 году в городе Риге. Интерес к поэзии проявляла с детства. Автор книги стихов «Апельсиновый рассвет», вышедшей в 2019 году.

БЕЛАЯ ЧАЙКА

Под ногами песок точно тает,
Пахнет хвоей и тиной морской,
Перелив персеид прогорает,
Море ластится теплой волной.

В его вязкую черную бездну,
Как в свободы своей колыбель,
Окунусь и на время исчезну,
Позабыв про пустую постель.

Моя спутница — белая чайка,
Да она скоро вдаль улетит,
Своей жизни и крыльев хозяйка,
Но о чем так истошно кричит?

МИГ

Я смотрю далеко,
А за далями — вечность,
И дышу глубоко,
В моих мыслях — беспечность.

Этот миг, словно сон,
Уязвимостью чуден,
С тишиной в унисон
Мой мир пуст и безлюден.

Я смотрю далеко,
А за далью — дорога.
Мне сейчас так легко...
Жизнь, замри на немного!

Он взглядом ищет между снов
И в хороводе
На свет летящих мотыльков
И не находит,

Быть может, синюю звезду,
Чей свет струится
И застывает в бирюзу,
Быть может, птицу.

3

И было все наоборот,—
Как месяц встанет,
Терялись дом
и дымоход
Не то в тумане,

Не то в кипящем молоке,—
Как заklubится
Молочный пар на чердаке —
Под черепицей,

Как разольется молоко
Во все ладони,
Казалось, будто высоко
На небе стонет,

Боясь навечно опоздать
И с курса сбиться,
Быть может, яркая звезда,
Быть может, птица.

4

Ничто, чем чувствовать вину,
Не будет хуже.
Кто постарел, тот никому
Уже не нужен.

Здесь продолжается мой стих
Недобрым словом,—
Прошли века, как будто миг,
И дом был сломан.

И долго плакал водопьян,
И мерзла речка.
У жизни есть один изъян —
Ничто не вечно.

Разбушевдалась резеда —
Не подступиться.
Исчезла, может быть, звезда,
А может, птица.

5

Как непроста взаимосвязь
Вселенской дружбы!
И только лунный лик, светясь,
Над прошлым кружит,

И только горек и тяжел
Забвенья воздух,
И вечер — прожитый — ушел
В слезах и в грозах.

И только нрав людской свиреп
И несговорчив.
И тень давно истекших лет
Гримасы корчит.

И только свежие следы
Волхва,
 провидца,
Ведут на поиски звезды,
А может, птицы.

6

Вдоль кругосклона, где люпин,
Тропинка вьется...
А в дружбе, так же, как в любви,
Нет превосходства.

Здесь утешение несет
Моя болтливость,—
Как хорошо, что это все
Мне только снилось!

Мы обошли сейчас вокруг
Всю сон-долину.
Любое зло, когда есть друг,
Предотвратимо.

И ни один пусть дом седой
Не разлучится
С летящей, может быть, звездой,
А может, птицей.

Михаил Лапшин

(г. Одинцово Московской области)

Живет в г. Одинцово Московской области. Кандидат экономических наук, награжден Почетным знаком «Ветеран войны и военной службы», Золотой Есенинской медалью, медалью И. А. Бунина. Активно печатается в альманахах и журналах. Автор четырех сборников стихов.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

*Памяти В. Высоцкого,
И. Талькова, В. Цоя*

В лихое время перемен
Рождаются в стране поэты.
Поэзия их — не сонеты,
Не сладкозвучные стихи —

Косые молнии и крики,
Что искажают наши лики.
И заставляют встать с колен,
Грозя нам всем разрывом вен,
В лихое время перемен.

Поэт — без кожи человек,
А если с кожей — не поэт,
Поэт меняет индекс цен
В лихое время перемен
Судьбе и жизни человеческой,
Чтоб не была она беспечной.

ПЛЕЧО ДРУГА

Не часто видимся порою —
Лишь телефонный разговор,
Но ощущение такое —
Он близко, рядом с давних пор.

А если вдруг беда придет,
Он не осудит и поймет.
А если радость у тебя,
Твой друг ликует, не шумя.

Нет никого дороже друга,
Надежного его плеча
И пусть горит его свеча,
Чтоб не погасла сгоряча!

МУЖСКАЯ РАБОТА (Знаменосец)

Ведь эхо искажает направление
Откуда поступь мерная идет.
И, кажется, еще мгновенье,
И знамя полковое упадет.

Но встанет новый знаменосец.
Он знает, что и он падет,
Но несколько шагов к победе
Он это знамя пронесет!

Он жизнь отдаст, чтобы другие,
Увидев знамя впереди,
Поднялись в рост и победили,
Оставив страхи позади.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

*«...нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское село»*

А. С. Пушкин.
Годовщина 19 октября 1825 года

Отныне город навсегда
Связал судьбу свою навеки
И разомкнул России веки
С тем, кто сказал, что в тех садах
Ему являться стали музы,
Связавшие стихи, как друзья,
В один волшебный изумруд.
К нему паломники идут.

Который век, пытаясь тайну
Раскрыть задумчивых садов,
Рас слышать смех необычайный,
У слышать стук его шагов,
Паломники к стенам Лицея
Спешат,
как будто панацея,

Петр Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Родился в Елгаве (Латвия). Мать Устинья Терентьевна Межиньши (Румянцева) — из русской староверческой семьи, отец — латыш. Учился в ж/д училище, закончил строительный техникум, учился в Московском Полиграфическом институте (Рижский филиал). В 1988 г. создал в Риге «Союз литературных объединений» (в дальнейшем «Общество (Союз) литераторов «Светоч») и был избран его председателем. Автор шести книг. Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина с вручением одноименного ордена (за вклад в русскую литературу).

* * *

Мой свет меня зовет,
мой свет
 во мне стремится
в протяжные поля,
в дыханье знойных рос,
где, воскрешая день,
касается зарница
шелковых губ коня
под пение колес.
Уводит колея
разбуженной печали
в молитву милых глаз,
в зеленый солнцевей...
Ромашковый прибой
качает на причале...
Струятся купола —
пчелиным сном полей.

* * *

Миг мимолетен,— одуванчиковый миг.
Все Уже створки летних песнопений.
Глоточек мал, а тайный свет велик,
и всплеск один
 среди желтого кипенья.
Еще тепло и синий взгляд высок —
и — хорошо, пока надежда греет...
Еще хрустальный слышен голосок
среди клевера, ромашек и кипрея.

Еще пока лишь чувствуется тень
не здесь,
а где-то распустила крылья...
Еще не вечер, а веселый день,
и ветер говорит
с дорожной пылью.

* * *

*«Только детские книги читать,
только детские думы лелеать...»*

(Осип Мандельштам)

Владивосток. Вторая речка.
Приют последний... Мандельштам —
Ребенок вечности, кузнечик,
Отдавший жизнь своим стихам.
Измученный тоской голодной,
Стихи читая в смертный бред,
Твой срок для времени — свободный,
Где не найдет уже навет.
Что шепчут волны океана:
Про Рим, Воронеж, Петроград;
Про голубых песцов и ланей,
Иль про охранников-солдат.

Огромных глаз твоей печали
Нам неизвестны номера.
Земное солнце закопали
У адища, мученья врат.
Поэт мой милый, смутно время
И жизни муха у шлепка,
И не жалеют в жертву семя,
И власть у красного быка.

* * *

Осыпаются лунные скрипы в песок.
Колесо продавило слепой горизонт.
И туманом взбухает озерная гладь,
и на сонной дороге
пылинка зажглась...
Мерный шаг, мерный бег, мерный взлет...
Горизонт, горизонт, горизонт...
Теплой пылью
устелена мирная мгла,
тишиною пахучей на травы легла...
Обод крутится в небо... Поет голосок,
и не знает свой путь,
и не знает свой срок...

* * *

Отшумел большак,
отколесился.

Валерий Демидов
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ЗАГАДОЧНЫЙ СОН

Просыпаюсь. В реальность вернуться пытаюсь.
Этой ночью мне снился загадочный сон:
По Великой Стене вокруг большого Китая
Я иду к тому месту, где страшный Дракон.

На меня он с огнем и рычаньем бросается,
Я щитом отражаю град огненных стрел,
А внизу, у стены, горько плачет красавица,
И костер возле ног ее звездами тлеет.

Мысль меня осенила вдруг, будто бы молния:
«Это мама моя! Меня мама звала!»
И красавица голосом маминим молвила:
«Тридцать лет я тебя здесь, в неволе, ждала».

И тяжелым мечом я дракону голову
Отрубил, и застыла в ударе рука...
А вдали кто-то бил в старый храмовый колокол
И змеей извивалась близ храма река.

Облака расступились, и Лик Богородицы
Осветил вечеряющий сумрачный день,
И сказала Она: «Ты же Мной загородишься,
Коли вновь нападет на тебя злая тень»...

...Я проснулся. Ушли тут же боли и страхи.
Почему мне приснился загадочный сон?
Может, быть мне придется в День Судный на плахе
С искаженным от боли греховной лицом?

Мама рядом была. Почему она снилась?
Может, ей изливала Мать Божия свет?

Видно, в них, матерях, есть великая милость —
Оставлять на Земле несмываемый след...

Жизнь моя во грехах управлялась Драконом,
И лишь в годы седые дано мне понять,
Что превыше всего — жизнь по Божьим Законам,
И дороже всего на Земле этой — Мать.

ТУЛА НОВАЯ И СТАРАЯ

Издревле Тула талантами славится,
Много дала она громких имен,
В ней, как в горниле, характеры плавятся
И закаляются ветром времен.

«Тульский Арбат» сохраняет историю
Быта купцов ее и мастеров,
Рядом с Упой пролегла территория,
Где жив завод оружейный Петров...

Тула была прежде обликом тусклая —
Старые нынче исчезли дворы,
Похорошели и улицы тульские,
И уголки для игры детворы.

Все в ней, казалось бы, новшеством дышит:
Радуга красок облила дома,
Солнце ласкает зеленые крыши,
Запахом манит к себе «Шаурма»,

Всюду реклама, деревья — в гирляндах,
Плитками выложен весь тротуар,
На иномарках спешат коммерсанты,
Сотни витрин предлагают товар.

Рваные джинсы, прически кричащие,
Не покидают мобильники рук,—
Прошлое спуталось с настоящим
И не понять, кто тут враг, а кто друг.

Всюду рождают «шедевры» словесные
Мальчики в шортах и девы в штанах.
Вот оглушила машина нас песнями.
Вот «звездный» выход: «Ну, здравствуй, страна!»

В парке шуршит под колесами «великов»
Осени дар — золотая листва.
Вот возле пруда у самого берега
Пьет потихонечку пиво «братва».

А коли возраст уже пенсионный —
Можно в тенечке на лавочку сесть
И обсудить, как свои миллионы
Власти воруют, забыв стыд и честь...

...Что-то не так в моем городе стало.
Словно под масками тысячи лиц,
Словно душа моя тоже устала
И жизнь похожа на шахматный блиц.

Видно, не всякое новое лучше
Прошлого нашей великой страны.
Видно, не новое лучшему учит,
Коль мы утратили чувство вины.

Помню, что в прошлом дома были серы,
Но ведь все краски имела душа!
Помню, что не было храмов и веры,
Но ведь могли мы мечтами дышать!..

Коль на весах настоящее с прошлым,
Гирьку я брошу в ту чашу весов,
Где все казалось простым и хорошим,
Не закрывалась душа на засов,

Где не машины двory заполняли —
Звуки гитары в вечерней тиши,
Где мы детей доверяли не няням,
А не могли без детей этих жить...

Мы убегаем от лучшего прошлого
В новое время грехов и сует.
Мы забываем, что лучшее прожито
В дни испытаний народных и бед.

Может, меня назовете безумным,
Но ведь за то и распяли Христа,
Что направлял Он стремленья и думы,
К Небу, где таяла душ мерзлота.

Все мы покинем земные чертоги,
Все, что имели, оставим земле...
Мне бы опять пробежать босоногим
По зеленеющей юности лет.

Мне бы опять насладиться красотами
Рек, из которых мы пили рукой.
Мне бы отведать с пчелиными сотами
Мед золотистый с парным молоком...

Счастливы те, кто советское прошлое
На суету новизны не менял.
Все, что во мне есть от жизни хорошего,
Прошлым заложено прочно в меня.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

*«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»*

(Надпись на памятнике поэту в Эстонии)

«Я, гений Игорь Северянин,
своей любовью упоен:
я повсеградно озкранен,
я повсесердно утвержден».
Что это? Хвастовство, в котором
поэт был кем-то уличен?
Или достоинство, в котором
сиянье нимба не при чем?

Он, как поэт, неординарен.
Как личность, тоже он один.
Стихи его живыми стали
для юных лиц и для седин.
И разный жанр ему давался,
свои «поэзы» зычно «пел»,
и на «Титаник» собирался,
но в рейс тот страшный не успел...

Москва. Поэты в Политехе,
и Северянин среди них.
Вот Маяковский, Бальмонт — вежи!
Как конкурс их соединит?
И стал «Король поэтов» третий —
кто ни дипломов не имел,
кто властью назван был в запрете
и пресмыкаться не умел.

Он выходил на сцену в строгом
и чуть помятом сюртуке,
цветок в петлице, одиноко
лежала шляпа вдалеке,—
и вот бесстрастно и певуче
слова его влетали в зал..
Скажите, разве волей случая
он так красиво все сказал?..

*«Это было у моря, где ажурная пена,
где встречается редко городской экипаж...
Королева играла в башне замка Шопена,
и, внимая Шопену, полюбил ее паж...».*

Большого роста, с длинным ликом,
надменно-грустным взором глаз —
он был подчеркнуто великим
и в профиль, и в любой анфас.
И зря Евгений Евтушенко
сказал: «Полуинтеллигент», —
нет, здесь, скорей, недооценка
того, кто входит в круг легенд...

*«Ананасы в шампанском» —
необычное «блюдо»,
и не зря Антокольский
шутил горячо,
когда он, Северянин,
водки штоф из сосуда
огурцом закусил
и подернул плечом...*

...Родился в Питере и бегал.
Он на Гороховой живет —
кумир «Серебряного века»,
изведавший и гнев, и взлет.
Пусть «декадент», отчасти циник,
пусть Казанова — ведь любил! —
не верил часто медицине,
хотя ее таблетки пил.

Его период становленья
был очень долог и тернист:
писал он до изнеможенья,
в руках частенько комкал лист,
журналы «закидал» стихами
и тридцать пять брошюр издал
на те гроши, что вместе с мамой
копил, а сам недоедал.

Когда Толстой прочел те строки,
где «штопор в пробку был вонзен»,
великий старец дал уроки,
сказав: «Я очень удручен.
Литература разве это?!
И женский пол здесь не при чем.
Я в нем не нахожу поэта,
хоть он стихом и увлечен».

И, чудо! миг стал часом славы —
ведь не одна потом газета
в критичных нотах и без справок
писала о событье этом, —
с лица Поэзии стирая
того, кто мог бы ей помочь,

не ведая, что есть другая
для творчества иного ночь.

Такой вот был «счастливый случай»,
принесший славу за позор,
и Лев Толстой, чернея тучей,
кричал: «Как стыдно! Он — позер!»
И вся Россия обратила
на Северянина свой взор,
и в том «распятье» была сила,
на нем оставшись до сих пор...

Казалось бы, судьба поэта
могла сложиться в год один,
поскольку родственник был Фету,
и сам историк Карамзин
потомком числился у рода,
и Александра Коллонтай
сестрой являлась троюродной,
была министр-нарком, считай.

И Брюсов славно отзывался
о северянинских стихах,
«Громокипящий кубок» брался
в статье восславить на века.
Но перемены вдруг настали —
от революций голод был
и вместе с матерью Натальей
они бежали от судьбы.

Эстонский городишко Тойла
их встретил тихо и тепло,
И много всяческих историй
здесь было, как и добрых слов.
Потом женился на Фелиссе,
прожил с ней в счастье много лет
на Финском берегу при бризе,
где запах сосен, елей цвет.

Тоска по родине щемила,
но стал заложник он страны,
куда приехал с мамой милой
в дни начинавшейся войны,—
она России горло сжала,
открыла эмигрантам путь
туда, где хлеб, где горя мало
и можно тяжкий груз стряхнуть.

Но даже здесь, в стране добротной,
для Северянина нужда
была неласково-холодной,
как и балтийская вода.

И умер здесь, худой и хилый,
в год оккупации и бед,
увидев, как фашистской силой
мир превратился в лазарет...

Похоронили его скромно,
упрятав в землю путь больной,
и тело в сырость новых «комнат»
предали к вечности спиной.
А близоруких графоманов
его не тронула судьба.
О, Боже! Как же в мире мало
тех, в ком нуждается толпа!..

Мы носим парики и маски,
скрывая силу наших чувств,
не отвечаем чьим-то ласкам,
не склоним голову к плечу...
Но он, далекий Северянин,
вселился словом своим в нас
не потому, что он — землянин,
в шампанском любит ананас,—

он *то* писал, о чем и думал,
он над безликостью вспарил
и своим обликом угрюмым
нам о свободе говорил.
Вставал всегда он после драки,
и, отирая кровь с лица,
пел неустанно: «Мы во мраке,
под гнетом злобы и Тельца».

Под бровью черной и мохнатой
смотрел на тех, в ком видел зло,
и бил строкою угловатой
в то, что грехами поросло.
И эта страсть кутить словами,
дарить слова и ими жечь
способна подружиться с нами
и выдавить обман и желчь...

*«...В деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду человечьи лица
Без человеческой души...»*
Я эти строки принимаю,
мною северянский дух ценим —
ведь оба мы родились в мае
по воле Господа и с Ним.

Анна Барсова*
(г. Екатеринбург)

ИЗ ЦИКЛА «КАВКАЗСКИЕ СТРАНИЦЫ»
220-ой годовщине со дня рождения А. С. Пушкина посвящается...

Анна Барсова — поэт, прозаик, переводчик, публицист, действительный член Академии российской литературы, Союза российских писателей. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии А. Грибоедова. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями. Дипломант международных и всероссийских фестивалей и конкурсов.

*Я стал подыматься на Безобдал, гору,
отделяющую Грузию от древней Армении...
«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин*

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В горах далеких — перевалы,
Там есть один в тени снегов:
Бьют воды, воды Безобдала**,
И нежен контур облаков.

Там, на высоком перевале,
Мы были в середине дня,
И не страшили нас обвалы,
И свет был соткан из огня.

И в этом свете возчик плыл
В арбе и тер глаза сухие,
И Пушкину он говорил,
Как «Грибоеда» погубили.

...Свечою тонкой дни истают,
Закатом век тот догорит,
Но встречу эту в очертаньях
Природа бережно хранит!

* Анна Барсова — псевдоним Анны Барсегян с 2003 г.

** Безобдал — родник на Пушкинском перевале.

* * *

Позолотила осень горы,
И быстрый Терек стал резвее.
На перевале* — разговоры
И ночи гуще, и темнее.

К скале, прижавшись, встали фуры,
Таможня выдохнула: «Стойте!»,
А гор причудливых фигуры
Шептали: «Пойте, пойте, пойте!..»

* * *

Свежий ветерок Тифлиса,
Тень склонилась кипариса,
Запах шашлыка.

В небе — синие разводы,
Гор, летящих в небо, своды,
Взгляд их свысока.

Не забыть мне эти взгляды
И Куры ночной рулады,
Что бежит легка.

Так открой, Тифлис же, двери!..
Девушки твои, как пери,
Все — в шелках!

* * *

*«Вот и Арпачай», — сказал мне казак.
Арпачай! Наша граница!»*

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

Я шла на зов — в далекие края,
Пересекая доли, реки, скалы.
Рассыпала цветы кругом заря,
И Арарат звал... Этого не мало!

На трассе оставались корабли —
Бегущие фургоны, КраЗы, фуры.
Арагви говорила: «Не юли!
Ползи наверх и все рисуй с природы!»

Ползи наверх к могучим облакам,
К цветам, рассыпанным зарей на небе!»

* Имеется в виду Крестовый перевал. Ныне — Грузия.

Кура кричала: «Я свое воздам!
Придет жара — забудешь ты о хлебе!»

Но вот мелькнул стрелою Арпачай*,
Глаза покрылись тонкой пеленою.
Встречай меня, мой друг, встречай, встречай!..
За нашу встречу выпью я с тобою!

ЭРИВАНСКИЙ БАЗАР

*«...я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани»***

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

Ах, белесые жемчуга,
Затоваренные века,
И набитый едой базар,
Где товаров черт не считал!

Там халва, шашлык и кунжут,
И его здесь даром дают,
И вино, что солнца красней,
Виноград, что девы вкусней!

Эриванский родной базар,
Как давно я здесь пировал!
У тебя же пир каждый день,
Пригласи меня в свою сень!

* * *

А мне снится утро раннее,
теплый день,
даль, которой нет желаннее,
с нею — тень!

А мне снится город розовый,
весь — в шелках,
вечерами — абрикосовый,
там — в горах!

А мне снится птица белая***
и гора****,

* Арпачай — левый приток Аракса, располагается у предгорий Арарата.

** Эривань — ныне Ереван.

*** Птица белая — голубь. Согласно легенде о всемирном потопе, Ной, когда пристал к горе Арарат, выпустил ворона, а потом — голубя, который вернулся с масленичным листом.

**** Имеется в виду библейская гора Арарат, к которой пристал ковчег Ноя.

винограда гроздья зрелые,
песнь добра!

У ГОРЫ АРАРАТ

Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора.

«Путешествие в Арзрум». А. Пушкин

1

Мы у границы проезжали,
лежал там Арарат в печали.
Одетый в сумраки чужие,
глядел он — на поля родные!

2

Застыл он там, в алмазах — белый купол,
И воздух пряный в синеве звенел...
А рядом — тополь, песня льется скупю,
И где всему предел?!

Зачем искать? Здесь все так быстротечно!
Скользит меж пальцев сединой Евфрат...
А мне сжимает руки эта вечность
И боль былых утрат!

Владимир Грусов

(г. Мончегорск, Мурманская область)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

По натуре гуманитарий,
Угодил я сперва в технари.
Хоть стихи доверял гитаре,
Но пахал от зари до зари
На промасленной, дымной ниве,
Растворяя себя в толпе.
Точно сызмальства мне вменили
Начинать на чужой тропе

И с годами, не стар, не молод,
Изорвав не свои гужи,
Окунуться в постыдный холод,
Мол, не так, как хотелось, жил,
И пора исчезать бесследно,
Все бывшее пустив в распыл...
Терпкий привкус иного хлеба
Я не то, что не позабыл,

Но им, собственно, грезил в яви,
Сыт краюхами строф ночных.
То-то с прошлым теперь «краями»,
Невзирая на остальных,
Что из прошлого здесь толкуются,
И возникших уже теперь
(С ними даже в толкучке пусто).
Да не столь ведь я редкий зверь,

Чтоб дышать в одиночку, право!
И о том ли ведется речь?!
Устраняя изъяны нрава
Неизбежностью новых встреч,
И с прекрасным, и не особо,
Я поблажек себе не жду.

Впрочем, ненависть или злобу
В окружающую среду

Мне выплескивать доводилось,
И сверх меры, по пустякам:
У кого-то впадал в немилость,
Кто-то волю давал рукам,
Да и я не тянул с ответом...
Эх, жестокая глупость, чушь!
Сожалею порой об этом...
И обмолвиться лишь хочу:

До смирения и покаяния
От сегодняшнего меня
Не измерены расстояния...
Сокровенно в душе храня
Устремление к тем вершинам,
Не мешаясь теперь с толпой,
Вопреки крикунам фальшивым,
Ковыляю своей тропой.

ЭКА НЕВИДАЛЬ

Былое, откуда мы вышли
(Чего бы те годы не стоили),
Теперь вполне себе выстирано,
Подклеено и раскрашено.
Вот только спаси нас, Всевышний,
От выдуманной истории!
Пора бы усвоить: истина —
Отнюдь не самое страшное,

Что может быть нам ниспослано.
Прозрение всякий раз
Желающих накрывало
Внушительным пустоцветом,
Мол, то ли еще бывало,
Да без толку выть сейчас,
Пророка или апостола
Отыскивая при этом

В казенных архивных недрах.
Ведь память — не транспарант.
А помнить, свято и честно,
Ни времени нет, ни знаний.
Опять-таки, сердцем щедрых
Любой облапошить рад.
Известно то, что известно!
Довольно воспоминаний!

О чем же мы, собственно, тужим,
Коль небом оделены
Сверх меры? Спаси нас, Господи,
От выдуманных печалей!
На все водоемы и лужи
Хватает одной луны.
А звезд несметные россыпи?
А солнечными лучами

Наивной радости полные
Глазенки наших детей?
Но этого нам, похоже,
Для счастья все-таки мало.
Итак, огради нас, Боже,
От выдуманных страстей!
Резоны почти бесспорные...
И маяться не пристало

Продвинутым всесторонне...
Изнанку времени выскоблив,
Грядущего волонтеры
Жиреют на чем попало
(Что схвачено — не уроним!)
Из побуждений искренних.
В итоге же, дело темное:
А сколько там перепало

Нахрапистой малолетке?
Ничтожность успешных лиц
И память, враньем источенная...
Тот счастлив, кому приснится,
Что не слетевший с ветки
Жухлый осенний лист —
Единственная устойчивая
Денежная единица.

* * *

Суконный космос мокрых дел,
Преданья преданных напрасно...
Инстинкт навязчиво зудел
Что жизнь, естественно, прекрасна

И не настолько коротка...
Увы, познав судьбы стервозность,
Поют намятые бока,
Мол, упраздни опасный возраст,

И начинай себя беречь:
Юлить, выплескивая локти
Меж остальных, кривую речь
Дрессировать в луженой глотке,

Авось понадобится вдруг?
А ведь механика простая:
Соврать — недорого берут,
И, тем не менее, хватает

Желудок в норме соблности
(Мечта с рождения костистых)
И, в обескровленной горсти
До хруста корм подножный стиснув,

Унять сомнения и злость.
Оно, весьма возможно, кстати,
Что жить в Эпоху довелось,
И, приобщившись в результате

К величию верховных тел,
Вдруг второпях покончить с нею...
Что все стерпел и отупел,
Считая нормой ахинею...

Смотри, звезда моя, смотри!
Гори со всеми потрохами!
Как те ночные фонари
В рабочий полдень полыхали;

Кипи, затравленная ргуть —
Слеза зеркал неугасимых!
И пусть внештатные плетут
Шустрей тачаночных максимов,

Телеграфируя восторг
Национального единства,
Пусть тарахтит всеобщий торг,
Где даже черствый бородинский

Не достается задарма!
А я, совсем обычный русский,
Схожу по-своему с ума,
Без ваших правильных инструкций.

* * *

Одевая город сединой,
Может быть зима его согреет,
Но, увы, не сделает мудрее...
Даже если встанет снег стеной,

Пусть не скоро, но когда-нибудь
Оттепель нам щедро явит лужи.
Здешний снег иных морей поглубже,
Как бы до весны не утонуть,

Пробуя развлечься иногда
Сказками о вожделенном юге.
Впрочем, повседневность злее вьюги,
Что заносит снегом города.

Не отменишь, сколь их не кляни,
Хлопоты насущных выгод ради,
Хоть бы и себя всего истратив
В сутолоке мелочной возни.

Оттого идущих по пятам
Удивить получится едва ли,
Как людей в нас будни убивали,
Как мы выжить ухитрились там.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети,
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданиям
Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем,
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой — уже застрелен.

Кристина Ашуркова
(г. Тула)

Кристина Ашуркова родилась в 2000 году в городе Туле. На данный момент является студенткой тульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ. Занимается литературным творчеством четыре года.

ОКЕАН

Душно и тесно, дикая качка,
По-стариковски скрипит такелаж.
И одинокая серая крачка
Кличет опасность на весь экипаж.

Вздыбились волны, хлынули брызги
Синей воды, обступившей борта.
Черные скалы вдали — обелиски
Памяти тех, кто добрался до дна.

Мокрого ветра соленые струи
Будто бы прапор трясут паруса:
Дескать, глядите — что в конскую сбрую
Вас обрядили вон те небеса.

То, что в народе зовется судьбою,
Делало сердце вдвойне холодней.
Стынут, как кровь, упиваясь мольбою,
Сотни матросов в горячке своей.

Были и те, кто молились неслышно,
Так и не вздернув в агонии бровь.
Те — ожидавшие их неподвижно:
Веру, Надежду и божью Любовь.

Три корабля подошли величаво,
Гордым сеченьем равняя волну
И предвещая судьбою начало
Белой тропы в предрассветную мглу.

Три корабля океан покоряли,
Словно паря над его головой.
А экипажи спеша поднимали
Все паруса по дороге домой.

Солнце взглянуло на мокрые лица
И растопило разжиженный страх.
Чаек крикливых неслась вереница
В щедро омытых дождем небесах.

Пенятся волны, смятые ветром,
И далека дорогая земля.
Пусть будет трудно, но истина в этом:
Жизнь — океан, а не трюм корабля.

ПОЛУСТАНОК

В потускневшем от старости замке
Ты ждала своего короля.
А на пыльном седом полустанке
Напевали псалмы тополя.

Разметались по ветру их кроны,
Без обмана судьбе покорясь.
Одинокая в небе ворона
Рассекала свою ипостась.

И сугробились мутные воды
Одичалой, забытой реки,
Трепетавшей под сумрачным сводом
Синей веной рабочей руки.

Но на станции пусто и тихо...
Хоть бы кто-то о Родине спел
И фуражку на голову лихо,
Набекрень, рассмеявшись, надел!

Затянул бы веселую песню
Про солдатскую долю свою
И сердечно поклялся бы честью
Отстоять эту землю в бою!

Подхватил бы он на руки сына,
Мать с женою бы крепко обнял
И — у рта две счастливых морщины —
От любви и тепла просиял.

И под звуки гитары и песен
Полетел бы стремительно вдаль,
Слишком молод, ребячески весел,
Чтобы знать, что такое печаль...

Но на станции тихо и пусто,
Не гремят больше здесь голоса.
А на небе пугающе густо
Разрослись облаков паруса.

И на этих нещадных фрегатах
Унеслись в небытье чьи-то сны
О веселых мужчинах-ребятах,
Не вернувшихся к семьям с войны.

АХМАТОВОЙ

И вечер был. И еле солнце грело
Прозрачный воздух ранней осени.
А настроение все пело, пело
Торжественно-уставшим голосом.

Ахматова! Я слышу Вашу песню!
Я вижу Вашу тень среди ветвей!
И я безумной сражена болезнью:
Я провожаю взглядом голубей.

И серый небосвод вздохнуть не смеет.
О, как же он необратимо сух!
В груди моей все с жадностью немеет,
Когда глубокий вздох лелеет слух.

Ахматова! Ведь этот вздох случайный —
Он Ваш! Он сорван с Ваших тонких губ!
И каждый шаг сей осени отчаянной —
Перстень на пальцах Ваших рук.

Алеет кровь в позолотевших жилах
Расхристанных по ветру бурых куш.
И Ваше имя в бархатных чернилах
Мне обвивает сердце, словно плющ.

Ахматова! Вся эта осень — Ваша!
И с Вашею душой она слилась,
Как красное вино и золотая чаша.
Она под Вашим перстнем родилась.

ЗАИНДЕВЕВШИЙ ХРАМ

Остыла ночь
От долгих жарких дней,
Ушедших прочь,
В былую неизвестность,
Расплавленным стеклом календарей
И канувших в другую бесконечность.

Зажглись огни,
Искусственно дрожа,
Со стороны
Мертвее древних духов,
На деле же — взволнованно дыша
В единстве теплых слов и дальних звуков.

На небе свет
Усталых звезд-зарниц
И много лет
Отчаянно горящих
В огне обсидиановых ресниц,
Разводами хвостов комет блестящих.

Как яркий сон,
Прозрачное стекло,
Что тихий звон
Ссылает в первобытность,
Где прошлого сознание залегло
И где живет родная самобытность,

Лежала ночь,
Раскинувшись крестом,
Землицу-дочь
Крылами обнимая
И тихо напевая пред костром
Балладу о золотых воротах рая.

Студеный дол,
Заиндевший храм,
Седой подол,
Сокрытый во Вселенной,
Рождением обязанный Богам —
Царица-Ночь у власти сокровенной.

Иван Нечипорук
(г. Горловка, Донбасс)

Коренной горловчанин. В довоенном прошлом — шахтер. Выпускник Горловского ИИЯ и Славянского ГПУ. Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член СП России, исполкома МСПС, членкор Крымской литературной академии и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Руководитель Литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны». Автор нескольких поэтических книг. Публиковался в журналах России, Украины, Молдавии, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Германии, Болгарии и Австралии.

* * *

Алтыном почерневшим жизнь моя,
Утратив вес, лежит под половицей...
Желтеют дневников моих страницы,
Оторванных от света бытия.
И в темноте сомнения томится
Все то, что раньше называлось «Я».

Плевками в душу проникает боль,
Но в сердце нынче закаленной стали
Живет надежда, и теперь едва ли
Меня смутит незавидная роль...

Идя тропой развенчанной морали,
Держаться света, братец, соизволь!

* * *

Поэт всегда — тринадцатый апостол.

Елена Крикливец

Не верьте, что творцом быть очень просто,
Мир слова — не тщета и суета,
Не просто связка мыслей в три нахлеста...
Поэт почти тринадцатый апостол,
Когда не мыслит жизни без Христа!

Сдирая безразличия коросту,
Расплескивает душу по листам.

И сквозь погосты на помосты поступь...
Когда поэт — тринадцатый апостол,
Ему никак не избежать креста.

* * *

Вижу лишь чужие лица,
И мне хочется укрыться,
Как моллюску, в дом.
Я устал быть серой тенью,
Но живу в слепом смятенье,
Как в кино немом.

Магмой плавится эпоха,
Это все настолько плохо —
Город мой в огне.
Я в тылу у маргиналов,
Голос мой скрипит металлом,
Спрятаться б на дне,

Но наружу рвутся строки,
И сомненьям вышли сроки.
Я в полубреду,
Отвергая неудачи,
Сквозь нытье и лай собачий
По себе гряду.

* * *

Страна уже не может без погромов,
И без маразмов ей уже невмочь...
Саднят истории лукавые изломы:
Живей живых Артемовск без Артема,
И маршал Жуков обреченно прочь
Уходит в край обиженных героев,
Оставив пьедесталы для химер...
В стране неладно сшитого покроя
Народ увлекся дикою игрою,
Так и не взяв намеченный барьер.

ЖИВЕТ МЕЧТА

Назло тяжелым болевым векам
Живет мечта! Сквозь дым и облака
Идет сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выши...

Но время горькое опять клюет в висок,
И чашу скорби все же нужно выпить.

* * *

Ko da mi otme iz moje duše Kosovo?
Из сербской песни

Друзья вчерашние из списков удаляют,
Пусть рвется этих слабых связей нить...
Меня не помрачит година злая,
И не смутят вослед раскаты лая.
Меня с Донбассом в сердце — не сломить!

Бросайте камни, бейте черствым словом,
Я выдержу удары грязных фраз.
Пусть злоба древним змием стоголовым,
Меня пытается лишить надежды снова...
Ничто не в силах у меня отнять Донбасс!

* * *

И снова бой с дремучей тьмой,
Где даже свет рождает тени,
Где время пыльной пеленой
Становится худой молвой,
Рождая страхи и сомненья.

Но прорастет сквозь мглу ответ
Под шум дождя и крики чаек.
Волна, зализывая след,
Тебе прошепчет: «Счастья нет
Там, где его не замечают».

* * *

И пусть шагают торопливо
Мои беспечные года,
Я твердо знаю, что всегда
Прилив приходит за отливом...
Я не обязан быть счастливым
Под сенью ложного стыда.

Пусть разлетятся сожаленья,
Я не сдаюсь и не ропщу.
Затеплив робкую свечу,
Сомнений растворяя тени,
Я жду минуты просветленья,
И быть самим собой хочу!

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Родился в 1985 году в Алтайском крае, городе Рубцовске, где проживает и сейчас. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии по специальности «Агрономия». Публиковался в печатных изданиях местного и федерального уровней: газете «Хлебороб Алтай», журнале «Юность». Публикуется на портале «Стихи.Ру»

В ПОГОНЕ...

Открыл окно в пространство мира,
Где суета людских сердец,
Где вновь творят себе кумира,
И он ведет их под венец.

Наивной роскоши внимая,
Бегут за чем-то всей толпой,
И юный отрок, и седая
В годах преклонных лезут в бой.

СТЕПЬ, НАВЕРНОЕ, СУРОВА...

Степь, наверное, сурова,
Для кого-то пыль и грязь,
Для меня частица дома,
Сверхпространственная связь!

Степь — обоз пустой, без хлеба,
Степь, как книга без страниц,
Степь, как греческая Геба —
Виночерпий, павший ниц.

Степь — зрачок, смотрящий в небо,
В ту торжественную даль,
Ищет справа, ищет слева,
Но, отнюдь, везде печаль.

Нет в Галактике сестрицы,
Где ковыльные ресницы,
Где румяная заря,
Где дожди идут, шумя.

Степь, наверное, сурова,
Для кого-то пыль и грязь,
Для меня частица дома,
Сверхпространственная связь!

ВИKTOPУ ЦОЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

В форточку с улицы песенка Цоя
Пестрой кукушкой влетела в мой дом,
Виктор погиб, но песни героя,
Вписаны кровью в истории том.

Там, на дороге, «Москвич 41-й»,
Станет последним приютом певца.
Сон за рулем? Неважные нервы?
В августе рок лишится отца.

Песни живут — пробивается свет,
Кто-то закроет за вышедшим дверь,
Кто-то за пачкой зайдет сигарет,
Кто-то мне скажет: «Жив он, поверь!»

В форточку с улицы песенка Цоя
Пестрой кукушкой влетела в мой дом.
Виктор погиб, но песни героя
Вписаны кровью в истории том.

УПЛЫВАЕМ ЗА ТУЧИ В ПРОСТРАНСТВО...

Уплываем за тучи в пространство,
По глубинам космических сфер
Мы гуляем. Вселенная царством,
Наградила нас, милая, верь.

Растревожили звезды сиянием,
Прикоснулся галактик туман,
Ослепило безумным признанием —
Где Плеяды видны без румян.

В пронесившейся мимо комете,
Мы увидели силу любви,
Волновались, как малые дети,
И любовью ее нарекли.

Уплываем за тучи в пространство,
По глубинам космических сфер
Мы гуляем. Вселенная царством
Наградила нас, милая, верь.

НАПИСАЛ НА БУМАГЕ СТИХИ...

Прикоснулся к божественной сути,
Написал на бумаге стихи,
Без таинственной, сказочной мути,
Разобрал по слогам я грехи.

Пробивала сердечная искра,
Добиваясь пристрастия слов,
Выходило — назойливым визгом
Или бредом увиденных снов.

Отточить мастерство? Да, возможно!
Невозможно любить, вопреки.
На душе не подвластно тревожно,
И стихи, и стихи, вновь стихи.

НЕБО МОЛЧАЛО НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ...

В серой степи, окровавленной боем,
Русский солдат, погибая от ран,
С жизнью прощался, встречаясь с покоем,
Шепотом слово вытягивал: «Мам!»

С небом сливались глаза голубые,
Воды мутились от грязной войны,
Локоны мамы увидел седые,
Черные были до этой весны.

Горечь по дому упала на сердце,
Боль не от раны, от сильной тоски,
Петлями ржавыми скрипнула дверца,
Сдобным запахло в сених пирожки.

Так захотелось обнять на прощанье,
Выкрикнуть: «Мама, родная моя!»
Чудилось только: «Сынок, до свиданья!»
«Мамочка, мама, прости ты меня!»

В серой степи, окровавленной боем,
Маки краснели, алели поля,
Небо молчало над вечным покоем,
Вечным приютом им стала земля.

ЧЕЛОВЕК — ИСТОЧНИК СИЛЫ

Человек — источник силы:
Доброй, мощной, справедливой.
Вверх летящей над землей,
В космос, как к себе домой.
Возводящей школы, мост,
Приходящей на погост —
Помянуть былых людей...

Человек — источник силы:
Злой, коварной, нелюдимою.
Порождающей беду,
Войны, слезы, нищету.
Убивающей юнца
Точным выстрелом свинца.
Заполняющей погост...

Человек — источник силы:
Яркой, трепетной, красивой.
В светлой радости строки,
В томной нежности любви,
Создающей лик картины,
Распрекрасные мотивы —
Песен, вальсов и сюит...

Человек — источник силы:
Доброй, злой, неповторимой!

Людмила Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Родилась и живет в Риге. Автор четырех книг для детей и пяти поэтических сборников для взрослого читателя. Лауреат премий им. П. П. Ершова и С. В. Михалкова за детскую литературу, также лауреат общественно-литературной премии им. С. А. Есенина, награждена медалями за служение литературе: им. М. Шолохова, им. А. Грибоедова. Педагог-керамист. Сопредседатель Союза литераторов г. Риги «Светоч».

* * *

Я из мира серебряных птиц,
Вы — из мира серебряных стрел.
Как похожи, нет четких границ,
Свет меж нами ликующе бел.
Я живу в чьих-то властных руках,
Выпускающих в небо меня,
Держат сильные руки в тисках
Вашу жизнь, и к свершению дня —
Вас однажды из лап тетивы
Вдруг швырнули, и все нипочем.
И на небе сияющем вы
Ослепительным стали лучом.
Мы упали на землю. Нас нет...
Трупик птицы, обломки стрелы.
Но остался ликующий свет
Зарождать новой жизни миры.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ

Вдруг взметнулись драконы,
Черным жаром паля.
С рельсов пали вагоны,
Закричала земля...

Две минуты бы только!
Ты остался бы жив...
Ангел Огненный горько
Плакал, крылья сложив.

Черно-красное небо
Окровило рассвет.
Это был или небыль,
Что тебя больше нет, —

Нераспознанный гений,
Неоткрытый пророк,
Искрометных мгновений
Золотой мотылек?

Что же ты напророчил
Шестилетью назад?
Твои звездные очи
Грустно с неба глядят.

СИНЕОКИЕ ЛЮДИ

Синеокие люди в водопаде плескались,
Подставляя фигуры под поток ледяной.
Вал за валом опалом разбивался о скалы,
И дымком испарялся на одежде льняной.

Выходили на дюны. Облачались в одежды.
Улыбались друг другу, лучезарно чисты.
Возносили молитвы, о любви пели нежно,
В небе радуга млела от земной красоты.

Обнимались, прощаясь, каждый шел в одиночку,
На пути к белой роще исчезая вдали.
Лес березовый ясен от коры до листочка.
Но пройти по болотам здесь они не могли...

Не до самообмана. Все двенадцать не вышли.
Где в чужой вольной роще затерялись следы?
Но в сознание блуждали только легкие мысли,
Вспоминалось сиянье с неба и от воды.

За болотом разлетно птицы в путь собирались...
Различишь, но не сразу среди берез — лебедей.
Самоцветные перья — радуг — переливались,
А в ромашках — одежды синеоких людей.

ОСЕНЬ ЗАМОК ВОЗВЕЛА

Осень замок возвела,
Залы украшает,
Золотые зеркала
Всюду расставляет.

На запястии браслет,
И горят рубины,

Повторяя алый цвет
Ягоды рябины.

Мха мохнатые меха —
По плечам холодным.
Одинока и тиха
Бродит по хоромам.

Дождик, копьями звеня,
Замок охраняет,
От прикрытого окна
Лето отгоняет.

ЗАКАТ НАД МОРЕМ

Memento more

Клубящийся, из облачных уделов,
Вдруг замок отделился от равнин,
И стылый луч вошел в него несмело,
Как будто в замке разожгли камин.

Дрова в камине вмиг запылали,
Казалось, жар до ярости силен...
Но долго за окном не обсыхали
На крыльях чашек переливы волн.

За гранью объясненного мне смысла,
Как обещанье будущих преград,
Всевышний мне не звезд на небо выслал,—
Качнувшиеся тени от лампад.

Родство неотвратимости глубокой:
Огонь заполняется водой...
Лишь прошлое светило издалика
Ярчайшей остывающей звездой.

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Виталий Кузнецов родился в Таганроге. Закончил Новочеркасский политехнический институт. Печатался в сборниках в Новочеркасске, Харькове, Ростове-на-Дону, Брянске, Туле. В 2013 году в Новочеркасске вышел авторский сборник стихов «Прощание с миром».

ФАУСТ

Verweile, der Augenblick, du bist schoen!

Гете. «Фауст»

Удивительно медленны дни —
Только в детстве бывали такие:
Пели там небеса голубые
И сияли надежды огни.

Вот сейчас где-то птицы поют,
Заглушает их шелест прибоя.
Все вокруг как в раю голубое —
Знаю я, хоть и не был в раю.

И чем медленней движутся дни,
Тем ясней — жизни много осталось.
Прочь тревоги, сомненья, усталость —
Ведь в раю неуместны они!

Словно Фауст я — здравствуй, мой миг!
Стоп, мгновение, ты же прекрасно!
На душе и на небе так ясно,
Будто вечную мудрость постиг.

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Ты словно девочка на шаре,
А я с иной картины — жаль.
Ведь не силач я, мы не в паре.
Все так, но отчего печаль?

Все, вроде, так, но есть надежда,
Что воспарит массивный шар:
И станут лишними одежды,
И страсти вырвется пожар!

Надеждам свойственно сбываться,
Ну а пока исход один —
Друг другу просто улыбаться
Из опостылевших картин.

* * *

Уже я не умру в пятнадцатом году.
Год умер сам, исчез — охотник за живыми.
Но стало нелегко найти мою звезду.
Она ушла куда-то, потеряла имя.

Весь прошлый год, прожив в отчаянном бреде,
я цели усложнял и заменял другими.
Казалось, что прорвусь, взлечу, себя найду...
Судьбу лишь искушал я мыслями такими.

Но чудо не сбылось, а я не превозмог
себя, не вырвался... Что ж, посмеялся Бог
над странным чудачком: «Да пусть он помечтает».

Но впереди лихой и високосный год.
И ход вещей взбрыкнет, пойдет наоборот —
Моя звезда на небе гордо засияет!

ЧТЕНИЕ

В детстве читал книги впрок —
Мудрость копил вековую.
Верил, настанет мой срок —
Все испытаю вживую:

Выйдут мои корабли
Прямо в открытое море.
И очертанья земли
Станут невидимы вскоре.

В будущее поплыву
Следом героев великих.
Светлый блистательный лик их
Явится мне наяву!

Рядом с героями книг
Видал себя я героем:
В Риме сражался и в Трое,
Прошлого тайны постиг.

С будущим время сверял,
Думал — взлетаю, читая,
Но, беспрестанно мечтая,
Зря только время терял.

Сгнили мои корабли —
В днищах их столько пробоин!
Сам я давно уж не воин —
Ярость, упорство ушли.

Жизнь ведь почти прожита.
В будущем нет мне награды,
В будущем мне и не рады —
Стала химерой мечта.

Книги теперь для меня —
Кладбище прошлых ошибок...
Мир ускользающий зыбок.
Ветра в нем нет и огня!

ЯВИТСЯ ЧЕРТ

Были надежды,
Были мечты,
Белы одежды,
Ярки цветы.

Явны желанья,
Четки слова,
Ясны мечтанья,
Свет — голова!

«Многие лета!» —
Пела мне жизнь...
Где же все это?
Фигу держи!

Фигу надеждам,
Глупым мечтам,
Грязны одежды,
Мертвый я сам.

Душу рвет стужа.
Я стал не горд:
Богу не нужен —
Явится черт!

СМЕРТЬ ПИИТА
(иронические строки)

«Все перепуталось, и некому сказать...»

О. Манделштам

Великое стихотворение,
Нечаянная благодать,
Невиданное озарение —
Да поздно все это, видать.

Ниспосланное вдохновение
Вот жалко — пора умирать!

Все глубже, сильнее агония.
Земного осталось: кровать
И чахлый цветок — бегония.
Кто будет его поливать?

Божественный гаснет огонь, и я
Уже не сумею летать!

Лежит карандашик заточенный —
Никак мне его не достать.
Стих выверенный, отточенный —
Его только не записать.

На жизнь мой билет просроченный.
И нового негде мне взять!

ЭПОХАЛЬНОЕ

Мечтал попасть в эпоху Возрождения,
В которой развивается искусство.
Прекрасного увидеть зароженье,
Но я живу не в ней — мне очень грустно.

Довольствуюсь я личным возрождением.
Лечу свои растрепанные чувства.
Но вместо возрождения вырождение
Вползает вдруг — и на душе так пусто!

Четыре дня в эпохе возрождения
Духовно и телесно развиваюсь.
Четыре дня в эпохе вырождения
Восторженно и пафосно спиваюсь.

Был молод я в эпоху наслаждения.
И жизнь прекрасным праздником казалась.

Встречал улыбкой доброй каждый день я,
А жизнь в ответ мне тихо улыбалась.

Наряден был всегда — что не надень я.
За дело брался — все мне удавалось.
И светел каждый день, как день рожденья!
А если и печаль придет — так малость.

Сухие ветви прежнего цветенья
Шумят еще, уже без выраженья.
Бесплотен и безмолвен словно тень я.
Мне не нужны напрасные сраженья.

Порою мне являются виденья
Из прошлого — картиной жизни милой.
И вот тогда желанье возрожденья
Охватывает мысли с новой силой!

